

Это всё вы провернули сообща! Ждали, когда моя голова покатится с плеч, чтобы провозгласить Пинсянь-вана императором и трижды прокричать ему «десять тысяч лет»? Но ваши расчёты оказались неверны! Я и генерал Юэ Инъян раскрыли заговор Пинсянь-вана. Теперь вам самим стоит беспокоиться о собственных головах!

Лицо Сыту Гунхуна застыло, словно покрытое инеем, а голос, налитый внутренней силой, донёлся прямо из дантьяня. Стоявшие внизу сановники дрожали от страха, сражённые его величием. Те, кто был связан с Пинсянь-ваном, надеялись, что Сыту Гунхун ничего не знает, а остальные мечтали, чтобы этот кошмар поскорее закончился — лишь бы не умереть от разрыва сердца.

— Ли Сюнфэй, Чжан Пин, Ван Илянь... — Сыту Гунхун начал зачитывать длинный список имён. Солдаты Армии Орла тут же бросились к указанным людям, волоча их в сторону. Когда число схваченных превысило двадцать человек, Сыту Гунхун умолк. Его взгляд, холодный, как лед, пробежал по толпе, и он медленно произнёс: — Следствие подтвердило, что все эти люди замешаны в заговоре Пинсянь-вана. Бросить их в камеру смертников, завтра в полдень казнить у Полуденных Врат! Мужчин их родов сослать на северные границы для несения службы, а женщин продать в государственные притоны!

Обречённые побледнели как полотно, некоторые лишились чувств, а оставшиеся сановники зашатались.

— Чжоу Цзюань, Чэн Лишэн... — снова назвал имена Сыту Гунхун. На сей раз Армия Орла не тронулась с места, но сами вызванные едва держались на ногах. Один из них, Чжоу Цзюань, чиновник пятого ранга, обладавший редкой смелостью, опустился на колени и дрожащим голосом взмолился: — Ваше Величество, молю, будьте милостивы! Пинсянь-ван действительно искал встречи со мной, но я решительно ему отказал! Прошу, проведите тщательное расследование!

Сыту Гунхун рассмеялся в голос:

— Чжоу Цзюань! Хорошо! Твоё сердце верное, а дух отважен, пусть ты и немного трусоват. Отныне служи под началом генерала Юэ Инъяна и закаляй свой дух! Слушай мой указ: повысить тебя до третьего ранга, увеличить жалованье на один уровень, пожаловать особняк и сотню слуг. Остальным, кто проявил верность, — награды согласно заслугам! Принимай указ и благодари за милость.

Оставшиеся сановники пребывали в смятении. Император раздавал и награды, и наказания — это означало, что он досконально изучил подноготную каждого из них и ничто во дворце не ускользало от его глаз. К тому же, он проявил себя как настоящий мудрый правитель, чётко отделяющий верных от предателей. Где уж тут до тех басен, что распространял Пинсянь-ван, называя императора то женоподобным чудовищем, то предвестником гибели страны!

Лицо Сыту Гунхуна смягчилось. Он повернулся к Юэ Инъяну и лучезарно улыбнулся:

— Великий генерал, утверждающий величие, Юэ Инъян! Его информация была точной, а

возвращение — своевременным. За спасение императора и заслуги перед государством возвожу тебя в звание Старшего генерала! Жалую титул Хоу, защищающего государство, десять удельных городов в управление и право свободного входа во дворец... А также — объявляю тебя моим супругом-генералом! Выбрать место для поместья Хоу, увеличить личную охрану до восьми тысяч человек, число слуг — до пятисот. Все воины, участвовавшие сегодня в подавлении мятежа под началом Хоу, повышаются в звании на одну ступень и награждаются десятью таэлями золота. Хоу, защищающий государство, принимай указ и благодари за милость! — Сыту Гунхун кокетливо вскинул подбородок, ожидая ответного жеста.

Юэ Инъян покачал головой с горькой усмешкой. Подобная пышность лишь снова встревожила тех сановников, которых они с таким трудом склонили на сторону императора. Но перечить правителю на глазах у всех было нельзя, и он, поправив полы одеяния, опустился на колени, выражая благодарность.

— Вы не одобряете мой союз с генералом Юэ? Считаете, что я осыпаю милостями своих приближённых лишь из личных прихотей? Вы недовольны? Но когда Пинсянь-ван поднял мятеж, кто из вас встал на мою защиту? Кто предупредил меня об опасности? У вас нет права судить мои поступки! Я — правитель страны. Буду я тираном или никчёмным императором — не вам об этом рассуждать. Пока вы мои подданные, выполняйте свою работу. Если подобное давление на престол повторится, я не ограничусь казнью пары предателей! Пока я на троне, даже если сменится весь чиновничий аппарат, эта земля останется моей! Помните об этом! Церемониймейстер.

Сыту Гунхун взмахнул рукой. Ожидавший распоряжений чиновник поднялся на помост, прочистил горло и развернул свиток. Сыту Гунхун отступил на шаг и, не сводя глаз с лица своего супруга-генерала, который выглядел недовольным этой публичной демонстрацией силы, широко улыбнулся.

— По воле Небес, император повелевает: ныне мятежный князь затеял смуту, сердца подданных дрогнули, народ охватила тревога — всё это великое несчастье для Великой Святой Династии. Однако мудрость и доблесть Его Величества, а также верность Хоу, защищающего государство, позволили подавить беду в самом зародыше. И хотя повод для радости есть, мы не должны терять бдительности... В связи с этим решено сменить девиз правления на Личжи, а сегодняшний день объявить государственным праздником. Да пребудет верность между государем и подданными, дабы Великая Святая Династия процветала в мире и спокойствии... В честь смены девиза правления объявляется всеобщая амнистия, открываются внеочередные экзамены для привлечения талантов, даруется великая милость, дабы страна крепла и процветала... Такова воля императора!

С этого момента Сыту Гунхун окончательно сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Впоследствии, воспользовавшись внеочередными экзаменами, он привлёк к службе множество мудрецов и талантов. Под руководством Юэ Инъяна и других преданных сановников он добился того, что потомки называли Золотым веком Личжи.

Самого Сыту Гунхуна чтили как основателя могущественной династии и гениального государственного деятеля. Хотя многие историки сомневались: не был ли его брак с генералом лишь политическим ходом для укрепления власти или же следствием давления со стороны

генерала, обладавшего огромной армией, — неоспоримым оставалось одно: этот первый в истории правитель, заключивший однополый союз, прожил всю жизнь рука об руку с тем самым генералом, о котором ходили слухи, будто он — перерождение демона, знающий толк в кровавых битвах. Они состарились вместе, оставив после себя легенды, над разгадкой которых ломали голову поколения. Но это уже совсем другая история.

Сыту Гунхун с улыбкой наблюдал за сановниками, чьи лица меняли оттенки от красного до бледного, а затем до зелёного. Его собственное лицо светилось радостью. Он приказал церемониймейстеру удалиться, сделал шаг вперёд и, очаровательно улыбнувшись ошеломлённым подданным, произнёс:

— В такой радостный день чего вы все повесили носы? Или сочувствуете Пинсянь-вану? Ну-ка, улыбнулись мне!

Говорят, что на площади все сановники разом принялись насильно растягивать свои непослушные лица в гримасы. Каждый из них выглядел настолько нелепо, что Сыту Гунхун ещё долго вспоминал об этом и смеялся вместе с Юэ Инъяном, нисколько не чувствуя скуки.

Также говорят, что, несмотря на пережитый мятеж, отголоски которого ещё не утихли, залиvistый смех императора Великой Святой Династии в тот день разнёсся далеко над ясным небом Вэйчэна, отмечавшего свой первый государственный праздник.

Конец произведения.

<http://bllate.org/book/21138/2144071>